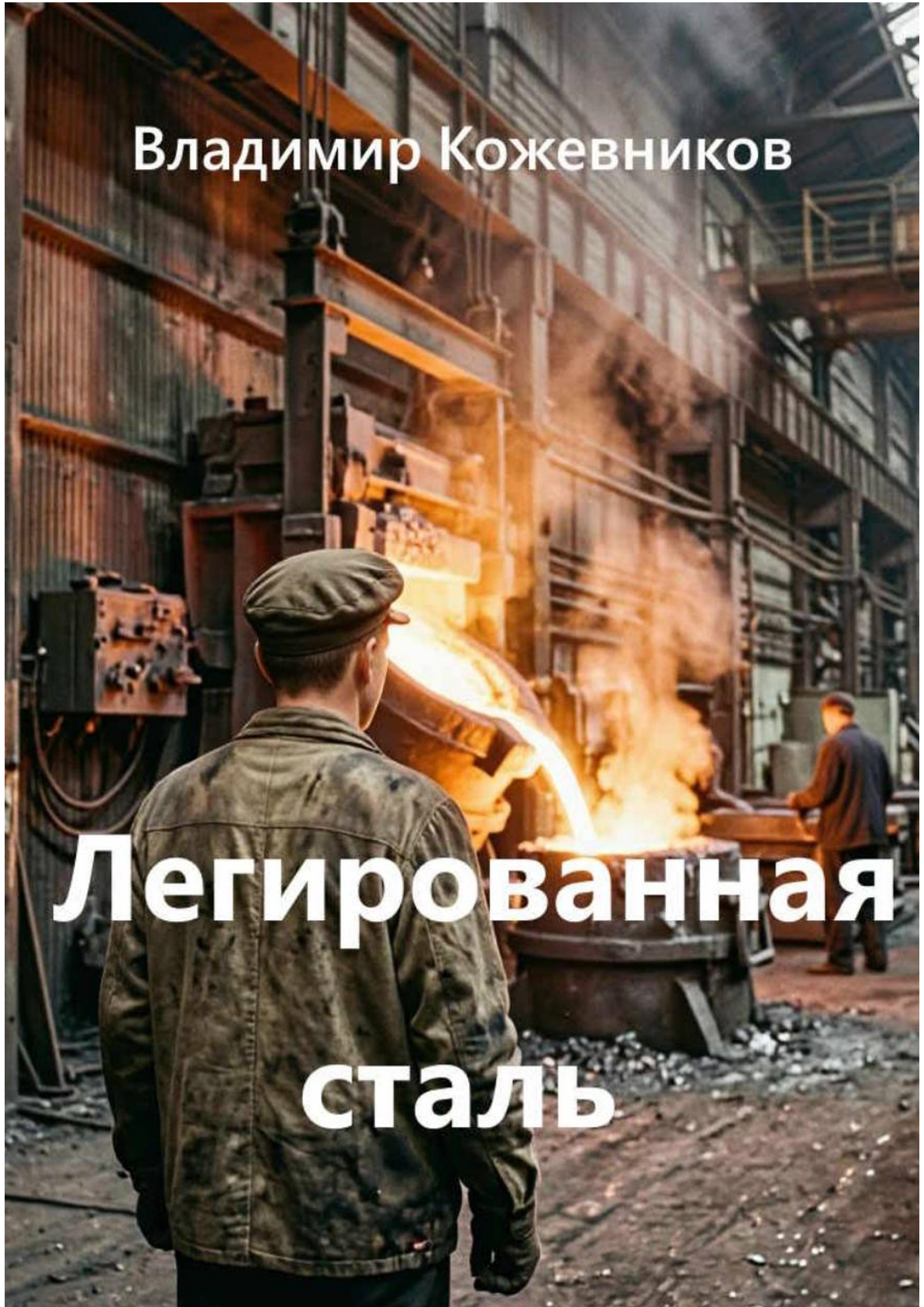

A man in a military uniform, seen from behind, stands in a large industrial facility. He is wearing a dark jacket and a flat cap. In the background, a large ladle is pouring bright orange molten metal into a circular mold. Sparks and smoke are visible. Another worker is visible in the distance. The scene is set in a multi-story industrial building with various pipes and structural elements.

Владимир Кожевников

Легированная сталь

Владимир Кожевников

Легированная сталь

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Легированная сталь / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Магнитогорск, 1969 год. Молодой инженер Иван Баталов, за которым скрывается технолог из XXI века, попадает в самое пекло советской индустрии — мартеновский цех огромного металлургического комбината. Здесь не хватает ферросплавов, приборы врут, план горит, а единственной валютой остаются «блат» и страх. Баталов видит то, чего не замечают другие: корень брака не в устаревших печах, а в неверной технологии раскисления и отсутствии контроля. Но чем настойчивее он предлагает перемены, тем плотнее смыкается вокруг него кольцо недоверия. Подозрительный выскочка привлекает внимание не только заводского начальства, но и людей из органов, уверенных: такие глубокие знания не могут быть случайными. Производственная драма, балансирующая на грани шпионского триллера, где борьба за качество стали оборачивается борьбой за право остаться человеком в системе, перемалывающей любую инициативу.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Резонанс	6
Глава 2. Температура вспышки	9
Глава 3. Точка кипения	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владимир Кожевников

Легированная сталь

Магнитогорск, 1969 год

Глава 1. Резонанс

Магнитогорск встретил его не ласковым июньским солнцем, а удушающей волной жара, густо замешанного на запахе гари и железной пыли. Этот запах, казалось, пропитал само небо — низкое, выцветшее до белёсой синевы, словно лист жести, прошедший через травильную ванну. Андрей Соколов, а ныне — Иван Алексеевич Баталов, инженер-материаловед двадцати восьми лет, стоял у окна в кабинете начальника мартеновского цеха и смотрел на раскинувшийся внизу промышленный пейзаж. Он видел его впервые, но это зрелище отзывалось в нём странной, пугающей ностальгией — не по прошлому, а по некой всеобщей индустриальной утробе, где человек — лишь тень, отбрасываемая пламенем.

Он «провалился» сюда из две тысячи двадцать третьего года. Из мира, где сталь варили в автоматизированных электропечах под присмотром нейросетей, а о дефиците ферросплавов знали лишь из учебников по экономической истории. Из мира, где он был технологом на передовом заводе композитов, а не винтиком в гигантской, скрипящей и чадающей машине советской индустрии. Его сознание, навыки и знания остались при нём, но имя, документы, сама плоть — всё принадлежало теперь Ивану Баталову, человеку, чьё место в этой реальности он занял не по своей воле.

Внезапно где-то внизу, в чреве цеха, что-то ухнуло — глухо, утробно, словно гигантский зверь подавился раскалённой костью. Пол под ногами едва заметно дрогнул. Андрей инстинктивно напрягся, но сидевший за спиной Чугунов лишь поморщился, даже не обернувшись на звук. Значит, для него это — привычный шумовой фон, часть ежедневной симфонии мартеновского цеха.

— Ну что, Баталов, любишься? Красиво, да? — голос начальника цеха прозвучал, как удар по пустой бочке. — Только красота эта, знаешь ли, требует жертв. Причём ежедневных и в промышленных масштабах.

Чугунов, грузный мужчина с багровым от вечного жара лицом и тяжёлым взглядом из-под кустистых бровей, не предложил сесть. Он стоял у стола, возвышаясь над кипой бумаг, как утёс над прибоем, и в его позе читалась не властность, а скорее бесконечная усталость человека, который уже много лет держит на плечах свод раскалённой печи. Андрей повернулся. Чугунов не был похож на злодея из производственного романа. Это был крепкий хозяйственник, чья жизнь прошла в борьбе за тонны, проценты и выполнение плана любой ценой, и в его глазах, покрасневших от жара и недосыпа, застыла не злоба, а вьёвшаяся, как окалина в поры кожи, настороженность ко всему, что могло пошатнуть хрупкое равновесие.

— Здравствуйте, Григорий Павлович, — спокойно ответил Андрей, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Да, зрелище впечатляющее. Масштаб не чувствуется, пока не увидишь своими глазами.

— Масштаб! — хмыкнул Чугунов, обходя стол и усаживаясь в кресло, которое жалобно скрипнуло под его весом. — Ты мне тут про масштаб не рассказывай. Ты мне скажи, как собираешься вытаскивать наш участок из прорыва. У нас, Баталов, не цех, а решето. План по прокату горит синим пламенем, брак зашкаливает, мартены выходят из строя один за другим. Люди как проклятые работают, а толку — кот наплакал. Мне Москва по ночам звонит, как младенца будит. А тут ты, светлая голова, со своими... как их... композитами.

В голосе начальника звучала откровенная ирония. По личному делу Баталова он знал, что тот «интересуется новыми технологиями». Для Чугунова это было синонимом пустого проекторства, не подкреплённого потом и кровью.

— Я не собираюсь читать вам лекции о композитах, Григорий Павлович, — твёрдо произнёс Андрей. — Я приехал работать. И начать предлагаю с анализа первопричин брака.

— Аналитика — дело хорошее, — Чугунов откинулся на спинку. — Только у нас не аналитикой пахнет, а гарью. Ладно, иди. Примешь дела у Шелеста. Он тебе покажет, что к чему. Смотри, изучай, вникай. Но запомни: за каждый час простоя, за каждую тонну брака с тебя спрошу по всей строгости. У нас не научно-исследовательский институт. У нас — план.

Он сделал паузу и добавил, понизив голос:

— И ещё. Шелест — мужик непростой. Ты с ним не ерепенься. Он сталь нутром чувствует, не то что мы с вами. Но если он тебя не примет — пеняй на себя.

Андрей кивнул. Он не ждал тёплого приёма. Чугунов был первым барьером, но далеко не самым сложным. Он вышел из кабинета в гудящий коридор заводоуправления, где пахло машинным маслом и хлоркой. План. Этот магический идол, которому поклонялись все — от министра до последнего подсобника. План валовых тонн, а не качественной стали. И в этом была его, Андрея, главная головная боль.

Уже на выходе он краем уха уловил обрывок разговора двух снабженцев, стоявших у кабинета заместителя по материально-техническому обеспечению. Один, толстый, с портфелем, с жаром говорил другому: «Говорю тебе, без ящика коньяка ферросилиций нам не видать. У них там свой резерв для обороны. А нам — что останется, то и дадут». Второй, худой и желчный, сплюнул: «Вот и выходит, что не печи виноваты, а эта бюрократия...». Они заметили Баталова и замолчали, проводив его подозрительными взглядами. Андрей сделал вид, что не услышал, но мысленно сделал пометку: дефицит ферросплавов — не только логистическая, но и социальная проблема, завязанная на «блат» и «связи». Именно то, о чём он знал из книг, но с чем предстояло столкнуться вживую.

Спустившись вниз, он вышел на территорию цеха. И тут его накрыло по-настоящему. Не умозрительное понимание, а физическое, сокрушительное ощущение мощи и ада. Грохот забивал уши, переходя в непрерывный, вибрирующий в костях гул, словно сам цех был гигантским бронтозавром, дышащим огнём и лязгом. Жар от мартеновских печей, таких огромных, что их своды терялись в сумраке высокого пролёта, ударил в лицо плотной, почти осязаемой волной, иссушая кожу и заставляя лёгкие работать с усилием. Вспышки пламени, вырывающиеся из завалочных окон, на мгновение выхватывали из темноты фигуры рабочих — суровых, сосредоточенных, облачённых в грубые брезентовые робы и войлочные шляпы. Они двигались в этом аду с отточенной, усталой грацией, словно танцоры страшного механического балета, в котором музыка — грохот металла, а па — взмах лопаты с рудой.

Андрей шёл вдоль печей, впитывая в себя эту атмосферу. Он видел, как сталевар, прикрывая лицо от нестерпимого жара, смотрел через тёмно-синее стекло на кипящую ванну металла. Видел, как с грохотом разливалась по изложницам ослепительная, шипящая сталь, рассыпая снопы искр, похожих на разъярённых светлячков. Всё это было грубо, первобытно, невероятно далеко от той стерильной чистоты заводов будущего. Но в этом буйстве стихии была своя, пугающая мощь, и Андрей, помимо воли, почувствовал нечто вроде уважения. Эти люди укрощали огонь без экзоскелетов и лазерных датчиков — голыми руками, опытом и интуицией.

Он наткнулся на своего непосредственного начальника, сменного мастера Шелеста — сухопарого, жилистого человека с глубоко запавшими глазами, которыми он, казалось, смотрел сквозь тебя, видя не человека, а очередную проблему. Но было в его взгляде и нечто иное — тень бывшего азарта, присыпанная пеплом многолетних аварий и выговоров.

— Баталов? — коротко спросил он, вытирая руки промасленной ветошью, которая, казалось, никогда не была чистой. — Пошли. Покажу твоё хозяйство. Учись, пока я добрый.

Хозяйство представляло собой закреплённые за участком три мартеновские печи, одна из которых, №12, как раз находилась в ремонте. Ремонт этот, судя по всему, затягивался. Внутри печи, словно муравьи, копошились рабочие, выгребая спекшийся шлак и осколки огнеупорного кирпича. Шелест нехотя, сквозь зубы, объяснял технологию. Андрей слушал, но мыс-

ленно уже переносился в своё время, сравнивая. Он видел все огрехи: перегрев металла, неправильное раскисление, отсутствие контроля температуры на выпуске. Сталь «угадывали» на глазок, как колдуны, а не как инженеры.

Возле одной из изложниц, где уже застывал слиток, он остановился и присел на корточки, разглядывая поверхность металла. На первый взгляд всё было в порядке, но Андрей знал, куда смотреть. По едва заметному характеру усадочной раковины на торце слитка, по микротрещинам, расходящимся паутиной от центра, он видел то, что не видели другие: неравномерное охлаждение вело к концентрации напряжений, и при прокатке именно эти, невидимые глазу дефекты станут очагами разрывов. В его времени эту проблему решали непрерывной разливкой или контролируемым охлаждением. Здесь, на старом оборудовании, полная непрерывная разливка была утопией, но он уже обдумывал суррогат — модификацию изложниц с внутренним водяным охлаждением или, по крайней мере, изменение режима заливки. Это была ересь для местных инженеров, но Андрей понимал: корень зла не в печах, а в пост-обработке.

— Чего ты там высматриваешь? — раздался за спиной недовольный голос Шелеста. — Слиток как слиток. Вставай, нечего людей смешить.

Андрей поднялся, отряхивая брюки.

— Думаю, почему брак идёт на прокате, — спокойно ответил он. — Смотрю, как застывает слиток. Если бы знать точную температуру заливки и скорость охлаждения, можно было бы предсказать, где возникнут трещины.

Шелест фыркнул:

— У нас не институт благородных девиц. У нас — сталь. Льём, как отцы учили, и не выдумываем. Пошли дальше, у меня смена на носу.

Андрей не стал спорить. Он заметил главное: Шелест не отмахнулся от его слов, а лишь сделал вид, что не услышал. Значит, зацепило. Возможно, в его голове уже шевелится вопрос: «А что, если этот выскочка прав?». Но до открытого признания — пропасть.

Они шли молча, и грохот цеха бил по нервам. В этом грохоте Андрею слышался приговор. «Не сможешь, — гудели печи. — Сломаешься. Уезжай». Но где-то внутри, под слоем сомнений и страха, начинал пульсировать холодный азарт. Он знал то, чего не знали эти люди. Знал не только про ковш и ферросилиций, но и про усадочные раковины, про управление кристаллизацией, про десятки других нюансов, которые казались здесь колдовством. Вопрос был не в знаниях, а в том, как донести их до тех, кто привык доверять только огню и опыту. И в том, как сделать это, не вызвав подозрений у тех, кто уже, возможно, следит за ним из тени.

Он вышел из цеха на свежий, но всё ещё пахнувший гарью воздух. Закатное солнце окрасило трубы в цвет раскалённой меди. Андрей остановился, вдохнул полной грудью и подумал о том, что самая трудная битва ещё впереди. Битва не с технологией, а с людьми, их страхами и привычками. И, возможно, с кем-то, кто уже знает о его «странностях» больше, чем следовало бы.

Глава 2. Температура вспышки

Первая неделя на комбинате стала для Андрея испытанием не столько профессиональным, сколько физическим. Каждое утро он просыпался в камерке заводского общежития с чугунной головой и ощущением, что лёгкие всё ещё наполнены гарью. Запах железа въелся в одежду, в кожу, в волосы, и никакое мыло не могло его вытравить. Он привык к стерильной чистоте лабораторий будущего, к климат-контролю и датчикам. Здесь же сама реальность была пропитана потом, копотью и тяжёлым дыханием мартенов.

Но самым трудным было не это. Самым трудным было молчание.

Он ходил по цеху, смотрел, записывал в потрёпанный блокнот, который носил в нагрудном кармане, и молчал. Каждое его слово, каждое замечание натыкались на глухую стену недоверия. Рабочие отводили глаза, делали вид, что не слышат. Шелест ограничивался короткими, рублеными фразами, не допускавшими возражений. Чугунов вызывал к себе раз в два дня, сухо интересовался «вниканием в процесс» и отпускал с явным облегчением.

Андрей понимал: он чужак. И не просто чужак, а чужак подозрительный. Слишком молодой, слишком грамотный, слишком много вопросов задаёт. В системе, где информация была валютой, а доверие зарабатывалось годами совместной работы у раскалённых печей, его интерес к деталям выглядел как минимум странно, как максимум — опасно.

Данные, которые он собирал, доставались с трудом. Лаборатория ОТК, где ему выделили стол, охраняла свои журналы, как скупой рыцарь — сундук с золотом. Начальница лаборатории, сухая дама с пучком седых волос и взглядом, способным заморозить расплавленный чугун, с первого дня дала понять: Баталов здесь — временный гость, и доступ к архивным анализам ему не положен. Но у Андрея было преимущество — он знал, что информация всегда найдёт путь, если знать, кого попросить.

Этим «кем-то» оказалась Зоя, лаборантка лет двадцати пяти с усталыми глазами и вечно обкусанными ногтями. Она работала в ночную смену, когда начальница уходила, и была не против немного подзаработать на стороне. Андрей не предлагал денег — он предложил помощь с её сыном, двоечником по математике. Зоя сначала недоверчиво фыркнула, но, когда Андрей за один вечер объяснил мальчишке дробь так, что тот сам решил три примера, она смягчилась. Позже она призналась, что копит на переезд в Ленинград, где живёт её сестра, и что ради этого готова на многое. «Только не подведи меня, Иван Алексеевич, — сказала она, впервые глядя ему прямо в глаза. — Если узнают — мне конец». Андрей пообещал, что будет осторожен. Теперь каждую среду и пятницу, когда она оставалась одна, она оставляла дверь в архив незапертой. Андрей приходил поздно вечером, делал выписки и уходил до рассвета, не оставляя следов. Это было унижительно, но необходимо: без точных цифр он не мог построить даже предварительную картину.

К концу первой недели он собрал достаточно данных, чтобы составить диагноз. Брак шёл не от плохой руды и не от изношенных печей, как считало начальство. Брак шёл от совокупности мелких, казалось бы, незначительных нарушений. Но чтобы убедить в этом других, нужно было нечто большее, чем цифры в блокноте. Нужно было живое доказательство.

Таким доказательством стал случай на печи №9 в пятницу, под конец второй смены.

Андрей стоял у пульта управления, наблюдая за работой сталевара Фомича — немолодого, сутулого человека с седыми висками и татуировкой якоря на предплечье. Фомич работал спокойно, без суеты, но Андрей заметил, что он ни разу не взглянул на контрольные приборы. Только на пламя, только на кипящую сталь, только на своё чутьё.

— Термопара показывает тысячу шестьсот двадцать, — тихо сказал Андрей, не столько Фомичу, сколько самому себе.

Фомич усмехнулся, не оборачиваясь:

— Врёт твоя термопара. Я её как облупленную знаю. Она на двадцать градусов занижает. Если верить ей — металл перегреем.

— А как вы определяете? — искренне удивился Андрей.

— Нюхом, — коротко ответил Фомич. — И глазом. Видишь, пламя вон какой оттенок даёт? Синеватый. Значит, температура уже к верхней границе подошла. А прибор тебе говорит, что ещё рано. Вот и получается, что по прибору — норма, а по стали — перегрев.

Андрей подошёл ближе, вглядываясь в окошко печи. Оттуда бил нестерпимый жар, но он заставил себя смотреть. Пламя действительно имело едва заметный синеватый оттенок, который он поначалу принял за игру света. Теперь он видел: Фомич прав. Термопара врала.

— Почему её не поверят? — спросил он.

Фомич сплюнул на пол:

— Потому что поверитель уволился ещё в прошлом году. Обещали прислать нового — и до сих пор кормят обещаниями. А нам работать надо. Вот и работаем, кто как умеет.

В этот момент произошло то, чего Андрей опасался. Молодой подручный, совсем ещё парень, лет девятнадцати, с бледным от страха лицом, неправильно рассчитал момент выпуска. Он открыл заслонку раньше времени, и струя металла, ударившая в ковш, оказалась слишком широкой, с фонтаном брызг. Раздался резкий, визжащий звук, словно сама сталь закричала от боли. Фомич оттолкнул парня в сторону и рванул к рычагам, но было поздно: часть металла выплеснулась на площадку, едва не задев рабочих.

Андрей среагировал мгновенно. Он бросился к аварийному щиту и рванул рубильник, отключающий подачу воздуха в печь. Пламя захлебнулось, напор ослаб, и струя стала тоньше. Через несколько секунд Фомич перехватил управление и стабилизировал выпуск. Опасность миновала, но на полу осталась лужа застывающего металла, шипящая и стреляющая искрами.

Тишина, наступившая после аварии, была оглушительной. Рабочие стояли, замерев, глядя то на лужу, то на Андрея. Фомич вытер пот со лба, подошёл к Андрею и впервые посмотрел ему прямо в глаза.

— Спасибо, инженер, — сказал он хрипло. — Вовремя дёрнул.

Андрей кивнул, чувствуя, как сердце гулко бухает в груди, отдаваясь в ушах набатом. Он понимал, что только что приобрёл первого союзника в этом цехе.

Но на этом инцидент не закончился. Через полчаса, когда Андрей уже сидел в своей камерке, записывая в блокнот подробности аварии, дверь распахнулась, и на пороге возник Шелест. Лицо его было багровым, глаза метали молнии.

— Ты что себе позволяешь?! — заорал он с порога. — Кто тебе дал право лезть в управление печью?! Ты кто такой, чтобы рубильники дёргать?!

— Я предотвратил разлив металла, — спокойно ответил Андрей, не вставая. — Ещё секунда — и ковш перевернулся бы. Вы бы потом месяц расхлёбывали.

— Не тебе решать, что было бы! — Шелест шагнул к столу, оперевшись в него кулаками. — Есть регламент! Есть порядок! А ты, как мальчишка, полез в самое пекло! Меня чуть инфаркт не хватил, когда доложили!

— Регламент не учитывает человеческий фактор, — возразил Андрей. — Парень ошибся, Фомич не успел. Если бы не я, могли бы быть жертвы.

Шелест замолчал, тяжело дыша. По его лицу было видно, что он понимает правоту Андрея, но признать это вслух не может.

— Ладно, — выдавил он наконец. — Инцидент разберём. Но запомни, Баталов: ещё раз влезешь в процесс без моего ведома — вылетишь с завода, как пробка из бутылки. Понял?

— Понял, — ответил Андрей.

Шелест развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что с полки слетела папка. Андрей поднял её, отряхнул и положил на место. Он знал, что этот разговор — только начало. Война объявлена, и теперь нужно было решить, как воевать.

На следующее утро, ещё до начала смены, Андрея вызвал к себе Чугунов. Начальник цеха сидел за столом, устало потирая виски. Увидев Андрея, он не предложил сесть, но и не стал кричать.

— Доложили мне о вчерашнем, — начал он глухо. — Шелест рвёт и мечет. Говорит, ты самовольно вмешался в процесс. Но Фомич, старый чёрт, клянётся, что ты спас людей. Кому верить?

— Решайте сами, Григорий Павлович, — спокойно ответил Андрей. — Я поступил так, как считал нужным. Если бы я не дёрнул рубильник, разлив мог быть гораздо серьёзнее. Но я понимаю, что нарушил порядок. Готов понести наказание.

Чугунов долго молчал, буравя Андрея взглядом. Потом тяжело вздохнул:

— Наказывать тебя я не буду. Но и благодарности не жди. Ты сам себя подставил. Теперь за тобой будут следить ещё пристальнее. И учти: сегодня в обкоме ты будешь под перекрёстным огнём. Не надейся на глупостей.

— Я учту, — ответил Андрей.

Чугунов махнул рукой, отпуская его, и в этом жесте было не раздражение, а скорее бессилие человека, который не знает, как управлять тем, что выходит из-под контроля.

Вечером, когда смена уже закончилась, к Андрею в каморку снова заглянул парторг Завьялов. На этот раз он не проскользнул в щель, а вошёл по-хозяйски, прикрыв за собой дверь.

— Наслышан, Иван Алексеевич, — начал он, усаживаясь на стул. — Говорят, вы вчера героем стали. Предотвратили большую беду.

— Случайно оказался рядом, — сухо ответил Андрей.

— Скромность — украшение советского инженера, — усмехнулся Завьялов. — Но не будем ходить вокруг да около. Я к вам по делу. Завтра в обкоме совещание по качеству продукции. От нашего цеха поедет Чугунов, но ему нужен технический специалист. Я рекомендовал вас.

Он сделал паузу, пристально глядя на Андрея, и добавил с лёгкой, едва уловимой усмешкой:

— Только учтите: на совещании будут серьёзные люди. Из министерства, из Госплана. Возможно, даже из смежных ведомств. Ваше выступление может стать поворотным. Но и опасным. Если скажете что-то не то — обратной дороги не будет.

Андрей кивнул, чувствуя, как внутри всё сжимается. Он уловил в словах Завьялова не только предостережение, но и намёк на какую-то игру, правил которой он пока не знал.

— А вам-то что, товарищ Завьялов? — спросил он, решив пойти ва-банк. — Почему вы так печётесь о моей карьере?

Парторг поднялся, оправил пиджак и, глядя куда-то в сторону, произнёс:

— Потому что мне нужны союзники, Иван Алексеевич. Чугунов рано или поздно уйдёт. А на его место должны прийти люди, которые умеют смотреть вперёд. Вы — из таких. Я это вижу. И поверьте, я далеко не единственный, кто за вами наблюдает.

Он вышел, оставив после себя лёгкий запах одеколона и стойкое ощущение, что за спиной захлопнулась невидимая ловушка.

Ночью, возвращаясь в общежитие, Андрей заметил у проходной человека в сером плаще, который слишком внимательно изучал газету. Обычный прохожий, но что-то в его позе заставило Андрея насторожиться. Он не обернулся, но ускорил шаг. За спиной послышались шаги — чёткие, размеренные, не отстающие, но и не приближающиеся. Андрей свернул в переулок, потом в другой, стараясь не выдать своего волнения. Шаги стихли, но на углу он заметил тёмную «Волгу» с погашенными фарами, припаркованную так, чтобы видеть вход в его общежитие. Он не стал разглядывать номер, но отметил, что машина стояла здесь не впервые.

В своей комнатке он долго сидел без сна, глядя в тёмное окно. Завтрашнее совещание теперь представлялось ему не просто шансом, а ловушкой. Ловушкой, в которую его заталки-

вают со всех сторон: и свои, и чужие, и те, кто притворяется своими. И выбраться из неё без потерь будет почти невозможно.

Глава 3. Точка кипения

Зал заседаний обкома партии встретил Андрея запахом дорогого табака, смешанного с сыростью казённых стен. Он вошёл следом за Чугуновым, стараясь держаться незаметно. Но ощущение, что на него уже смотрят, возникло сразу. У стены, за длинным столом с зелёным сукном, сидел человек в штатском — неприметный, с серым лицом, аккуратным пробором и очками в тонкой металлической оправе. Он не поднял головы, когда Андрей проходил мимо, но его рука с карандашом замерла на полстроке. Андрей почувствовал этот взгляд боковым зрением — цепкий, профессиональный, как у снайпера.

Чугунов занял место среди начальников цехов, Андрей сел у стены, где ему указали, и постарался слиться со стульями. Совещание началось с доклада о выполнении плана. Цифры, проценты, снова цифры — всё это он уже знал наизусть из архивных журналов. Выступающие один за другим поднимались, отчитывались, сваливали вину на смежников и «объективные трудности». Это был театр, где каждый знал свою роль, а зрители делали вид, что верят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.